

Сергей Пустовойтов
Дорога домой

Автобиографическая повесть

Сергей Пустовойтов

**Дорога домой.
Автобиографическая повесть**

«Издательские решения»

Пустовойтов С.

Дорога домой. Автобиографическая повесть / С. Пустовойтов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854843-7

Это первая книга, наполненная автобиографическими событиями и правдивыми реалиями, которые могут показаться невероятными. Откровенные сцены любви и глубокие духовные переживания, встречи с лицами, вошедшими в новейшую историю, и все это просто дорога жизни. Я проведу вас по ярким её отрезкам и покажу, что жизнь во всём её многообразии, есть некий закаляющий процесс, во время прохождения которого, заморозки сменяются оттепелью, а тьма разрешается светом. Мы просто идём домой.

ISBN 978-5-44-854843-7

© Пустовойтов С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Отец	7
Зарисовки из детства	11
Наши дни	12
1975 год	15
Что за цветы, как из бумажки?	16
Служить интересно	18
Ощущение свободы	21
Возвращение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дорога домой Автобиографическая повесть

Сергей Пустовойтов
АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

© Сергей Пустовойтов, 2024

ISBN 978-5-4485-4843-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю Ивану, **Алексею**, Марине и Кристине

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вечером позвонила знакомая:

– У меня сестра в гостях, хотела бы в море окунуться.

На две недели прилетела в гости, займись ей.

Ты ведь этим давно увлекаешься, опыт есть.

– А она раньше пробовала купаться в холодной воде?

– Да.

– Я подумаю.

– А она замужем?

– А причем тут замужем, или нет? По глазам сам поймешь...

– А сколько ей лет?

– Моложе меня на два года.

Утром с трудом собрал купальные вещи, позвонил знакомой:

– Я готов помочь.

– Извини, мы еще не готовы, нужно в душе потренироваться дня два.

– Ладно, тогда жду звонка.

Что за тренировки в душе? Может тяжело вставать утром, так мне тоже.

Какие мысли пробегают в голове у мужчины в период ожидания звонка?

Самая основная мысль – это та, что моржевание, в данном случае просто предлог и, что сестра желает устроить романчик на период отпуска своей младшей, чтобы на неё не обрушилось осеннее уныние, и не проникла в сердце всё поглощающая скука.

Вторая мысль – как, не увидев человека и не зная, совместим ли он с тобой в принципе, быть готовым на романчик. И возможно ли взять, и сложить, хоть и на время, не известные величины и получить хороший результат.

Обдумывание ситуации привело к разнообразным грёзам и готовности на что-то новое. А если учесть, что сама звонившая, была женщиной привлекательной и даже сексуальной, то можно было рассчитывать не на романчик, а на целый роман.

Отец

Мой отец Пустовойтов Иван Захарович до Великой Отечественной войны Пустовойт, до раскулачивания семьи его деда Твердохлеб, в молодости был очень романтичным человеком, хотя и сейчас в свои девяносто семь лет романтики в нем не убавилось.

Как рассказывала моя любимая бабушка Мотя, ещё до второй мировой войны, когда они жили в Украине, в хуторе Петровском, Днепропетровской области, Синельниковского района, отец влюбился в молодую цыганку из табора. Однажды он привез ее в дом своих родителей на багажнике велосипеда, так как на раму она не помещалась, а уже была в положении, в котором вот-вот рожать...

Жили они в доме, построенном дедом Захаром, народили двух мальчиков Анатолия и Витальку. Цыганка всё время убегала в табор, так как не могла долго в доме находиться, а отец за ней на велосипеде так и мотался. Любил он её страшно. Началась война и отец ушел на фронт. Он служил сначала поваром, а потом связистом. Детей оставил на деда и бабушку, жену устроили уборщицей в магазин. Хлеб тогда людям по карточкам выдавали, его на всех не хватало. И вот эти хлебные карточки, однажды в магазине, в котором она работала, украли.

Долго не думали на кого эту кражу повесить и повесили на пришлую цыганку? Она-то бедная и незащитная не брала, не крала, а оказалась крайней. Так её эта несправедливость задела, что на нее незаслуженно плохо думают, что умерла горемычная от сердечного приступа. Отец сразу же приехал на похороны и в короткое время отпуска познакомился с девушкой по имени Шура, а придя к ней в дом, увидел её сестёр Марию и Веру Белоус. Одна оказалась краше другой. Долго не раздумывая, взял самую младшую Веру и отвел к себе домой. Вручил её своим родителям на попечение и пообещал после войны, если вернётся, жениться на ней...

Но по окончании службы он оказался, как и многие в лагере на Урале и домой не писал. Так, что Веру бабушка Матрёна и дед Захар, как свою дочь, выдали замуж за инженера Николаевского морского порта, она родила дочь, которую называли Татьяной. Отец объявился только в 1947 году, он написал письмо, из которого было ясно, где он живет. Письмо было адресовано родителям, и мама ничего до некоторой поры не знала.

НАШИ ДНИ

Прошло два дня, но желающие моржевать так и не позвонили. Видимо, тренировки в душе показали, что дело это не такое уж и простое, и ко всему в придачу, подули холодные ветра, Каспий сильно штормило. Высокие серые волны катили барашки пены на своих гребнях к берегу, сбрасывая их в прибрежный песок и возвращаясь за новыми. Бакланы и чайки кружились в поисках добычи, покрикивая и проделывая в воздухе невероятные пируэты. Окунаться в такую зловеющую пучину совершенно не хотелось даже опытным моржам.

Когда мама узнала, где обосновался после войны отец, она ждала от него весточку, а он не писал ей и не писал, тогда она в 1957 году развелась с первым мужем инженером, его фамилия была Савченко и выехала на Урал к отцу, прихватив с собой дочь Татьяну.

Она решила, раз он ее не зовет к себе, то она устроится на работу рядом с ним и хотя бы одним глазком будет его, своего любимого, видеть тайно каждый день.

Подглядывание за объектом своего сердца продлилось не более недели, в течение которой шло письмо от бабушки Моти сыну, в котором раскрывался весь план тайного созерцания. Отец прочитал письмо и уже на следующий день поймал лазутчицу с поличным, они страстно целовались и были невероятно рады этой встрече. Плодом этой радости стал я.

А жил отец на Урале, как выяснилось не один, а с некой девушкой из наших немцев, что ещё при царе батюшке поселились в России. В этот немецкий дом отец и привел маму с дочкой на руках и с одним большим чемоданом. Закрыв их в комнате на замок, пообещав вечером после работы всё устроить, как подобает.

Но соперницы встретились раньше. Переговорили женщины, в каких интонациях и словосочетаниях не известно, о том история умалчивает, но приняли каждая для себя свое собственное решение.

Мама не съезжать из дома, а толстогубая, так звали соседи немку, удалиться на время к своему отцу в деревню, находящуюся в сорока километрах от Серова.

Так она горемычная и не дождалась отца. Он не поехал за ней. Ходили слухи, что женщина эта отравилась.

И вот яркий свет в глаза, какие-то заботливые руки подхватывают меня, пеленают, показывают маме, взвешивают на холодных весах, привязывают кусок клеёнки на ногу.

Чернильным карандашом, смоченным слюной, медсестра выводит на клеёнке 10. 09. 58 г. Савченко, 6 кило и под общие восторги уносит в тёплую комнату. Где такие же новорожденные, не более десятка живых комочков, чмокают, ворочаются, кричат, всхлипывают, бурчат, улыбаются, и каждый о чём-то своём...

Когда я родился, моему отцу было ровно 40 лет, а маме 32 года, они небыли расписаны. Фамилия по матери Савченко, доставшаяся ей от первого мужа, перекочевала с клеёнки, привязанной медсестрой на большой палец моей пухленькой правой ножки, в журнал регистрации №1, под названием «Богатыри».

А потом и в свидетельство о рождении с прибавлением имени Сергей, как у Сергея Радоужского.

На седьмой день по просьбе мамы мне сделали обрезание и позже окрестили в православной церкви. Причем в тайне от отца. Потому тайно, что отец после войны и лагеря, заочно окончил институт по курсу строительной механизации и был не просто коммунистом, а начальником строительной передвижной механизированной колонны, сокращенно СПМК.

В те времена понятия начальник и церковь не совмещались, и руководитель мог потерять работу. Поэтому, все церковные обряды проделывали со мной секретно.

Стоял уже второй подряд пасмурный день. Нет-нет, да прорывался мелкий дождик, море всё еще штормило. Я позвонил с работы домой и поинтересовался, вынесла ли мусор старшая моя дочь Маришка, как просила её утром мама. Когда я услышал отрицательный ответ, то попросил её поспешить с выносом мусора, так как мама уже идет на обед домой и «мало не покажется», за то, что ты ослушалась.

Не успел я положить трубку телефона, как пришлось её снова снять:

– это я, не состоявшийся «морж», Света – Марины сестра. Моржевать уже не получается. А вот я слышала, Вы своим здоровьем занимаетесь, так у меня по этой теме есть диски, брошюры. Давайте, пообщаемся?

– Хорошо. Заезжайте в студию.

Девушка приятной кавказской внешности, худенькая и грамотно говорящая по-русски, в течение трех с половиной часов «выносила мой мозг», развивая тему здоровья в применении коралла для улучшения свойств питьевой воды. Я смотрел на нее и думал, а все-таки, молчание – золото.

И так, родился я в городе Серове ныне Екатеринбург 10 сентября 1958года с прочерком в разделе отец и с украинской национальностью в графе национальность.

С чужой фамилией Савченко в свидетельстве о рождении, доставшейся маме от первого мужа, а теперь и мне от неё. Зато с родным отцом, который всегда был рядом и выделялся промасленным запахом тяжелой строительной техники и папирос мне повезло.

Урал и жизнь там я не помню совсем, а единичные всплохи памяти пробиваются только с трёх лет, когда мы переехали по новому назначению отца.

Строительство Ермаковской ГРЭС происходило по плану ГОЭЛРО на притоке реки Иртыш в Павлодарской области Казахстана.

В голой степи продуваемой промозглыми ветрами, остановился длинный эшелон, паровоз дал гудок и солдаты в тёплых ватниках с множеством злых овчарок на поводках открыли по команде тяжелые двери вагонов-теплушек.

На землю из вагонов посыпались мужчины в черной робе с узелками за спиной – это были зеки...

Уже через неделю на пустом месте они построили огромный железобетонный ангар, в котором некоторое время жили, позже он стал называться главным складом, им руководила моя мама.

Родители много работали, а мы – дети строителей, были предоставлены степи и реке. В степи мы нашли заброшенную кузню и однажды, подавая воздух из кожаных мехов, разожгли в ней печь. За это самоуправство нам сильно влетело от местного пастуха.

Приток Иртыша мы переплывали на лодках, которые «заимствовали» у берега. На противоположном берегу, бросив плавательные средства, мы объедались черёмухой, ежевикой, черемшой и всем, что по нашему мнению, можно было есть. Лазали по деревьям, а на стройплощадке по многочисленным стройкам. Жевали черную смолу и ели школьные мелки. Мы были радостны и полны энергии.

Зимой, проделывая в сугробах лазы, мы не появлялись на поверхности туннелей с утра и до темноты.

Однажды, играя на замерзшем озерке в хоккей, я ушел под лёд в новом шерстяном на ватине пальтишке. Когда выбрался, я бежал домой очень быстро, переживая, что влетит за пальто и в этих переживаниях не заболел, хотя на улице было минус двадцать.

Это был день первого серьезного испытания. Тогда-то я осознал, что все преодолимо и совсем потерял страх.

Природа до такой степени манила меня, что я не помню домашней обстановки, но до мелочей помню ручейки, болотца, полянки, грибницы, ориентиры в степи и многое-многое, что связано с жизнью на улице, в лесу и в степи. Когда меня отдали в детский сад, я сбежал из него почти ежедневно. Позже я сбежал даже из пионерского лагеря. Три раза тонул и чудом остался жив, прыгал на новостройках из окон вторых этажей и на кучи песка даже из третьего и не переломал ног, резался ножиками и набивал шишки. Бесконечно, что-то мастерил и дрессировал собаку Жучку, моего верного спутника во всех путешествиях.

Жизнь была полна в предвкушение новизны и азарта. Но вот однажды она раскрылась в незнакомом окресе.

У меня была всего одна проблема, которую я никак не мог решить сам, этой проблемой было моё не умение завязывать шнурки бантиком. Это было бедствием и все, кто меня учил, от этого обучения отказались. Всё же, некоторое время спустя, учитель нашелся, им стала девочка Вика из моей группы, решившая мне помочь. Две недели она шнуровала и завязывала на мне ботинки, стоя передо мной на коленях и к концу второй недели я в нее влюбился. Это перевернуло все мои жизненные планы, в которых не было раньше места для девочек вообще...

Моя свобода была повязана по рукам и ногам. Я хотел всё время быть с ней, и это желание доминировало даже во снах, а сердце горело любовью чистой, как родник...

Вот так, первый раз в жизни, я влюбился.

Учился я на стабильные тройки, причем по всем предметам. А всё из-за того, что все время уходило на кружки: рисования, фото, авиа и суда моделирования, радио дела и авто дела, а в придачу к этому всему, я посещал танцевальный кружок, школьный хор и духовой оркестр, где осваивал тромбон. В старших классах от всей этой громады интересов остались только рисование, фото и туристический кружок.

Моя первая любовь с родителями переехала в неизвестный город. Я так опечалился этой утратой, что в сторону противоположного пола не смотрел вплоть до девятого класса, а так как девочкам я нравился, но внимания их сторонился, то они даже порывались меня побить группой, да им это не удалось.

Зарисовки из детства

Пятый класс для меня открыл свои двери в городе Нарткале КБ АССР, куда снова перевели по работе отца. Теперь он со своей организацией ПМК-712 укреплял берега рек Кавказа, выпускал для строительства различные железобетонные изделия.

Мы с ним много рыбачили, ездили на охоту и два раза на машине по военно-грузинской дороге в Тбилиси, где в парке я единственный раз в жизни прыгнул с парашютом. Так же мы посещали его друзей в городе Грозном, где меня научили местные ребята кататься по улицам на досках, колёсами которым служили большие подшипники.

А Кавказ для меня начинался так:

– Эй, пацан, дай петак. Чё не слышишь, петак дай, не то в пятак получишь!

С трудом я догадался, что петак – это пять копеек и протянул рыжему малышу пятнадцать.

Через мгновение передо мной стоял такой же точно мальчишка, но большего роста и требовал:

– Чё, ещё есть мелочь?

– Есть. Остальное на кино, самому нужно.

– Гони, давай! А то брата позову.

Из магазина выплыла третья и уже последняя часть рыжего братства. Этот последний был чуть выше меня ростом.

– Чё, здоровый что ли? – с этими словами он протянул руки к моим карманам. Я отбил их.

– Смотри, не боится. Новенький, приезжий что ли?

– Да. Сегодня первый раз на улице.

– Давай дружить?

– Давай. И мы ватагой отправились в кинотеатр.

Там эта банда обобрала ещё десяток малолетних, и всем хватило на кино.

Жили мы в Нарткале по улице Красной в пятиэтажке на втором этаже, а прямо над нами жил с семьёй молодой парень Миша. Он был художником на ткацкой фабрике. Разница в возрасте у нас составляла не меньше двадцати лет, но мы были одного творческого и новаторского духа. Его заслугой стала моя любовь не только к живописи, но и к чтению автобиографических книг о знаменитых художниках.

В городской библиотеке я обнаружил целый стеллаж такой литературы. Я жадно перечитывал эти лощенные, пахнущие типографской краской и мелованной бумагой, богато иллюстрированные книги и проживал жизнь этих гениев живописи. То я лежал у ручья рядом с ещё молодым Леонардо да Винчи, то удивлялся жизни Гогена, то восхищался природой России вместе с Левитаном, а то кормил бабочек живущих в домике Айвазяна (Айвазовского).

Часто во сне я создавал огромные, достойные великих живописцев полотна и просыпался уставший от творческого труда и довольный собой. Вечерами я выходил во двор и стрелял из пугача и обреза, это сильно расстраивало мою маму. Во мне жили две различные личности. Одна стремилась ко всему прекрасному, а другая была всегда готова делать разные пакости. Со сверстниками я ездил на крышах вагонов от станции Докшукино в Нальчик, или в сторону Чечни до посёлка Майский.

Играл в футбол в ДЮСШ полузащитником под третьим номером, а зимой в хоккей на замёрзшем пруду у спиртового завода. Дрался стенка на стенку за свой район, а однажды, один против двадцати подростков приехавших из посёлка Псыгансу. Накостыляли они мне так, что я был без сознания подобран другом Вовчиком и у него отлёживался, пока мама не отыскала и не забрала меня домой.

Наши дни

Позвонил отцу, давно не общались, целую неделю. Настроился слушать жалобы о болях в суставах, но эта тема была не долгой:

– Меня ограбили вчера, – сообщил мне он.

– Как? Ты, что из дома уезжал куда?

– Нет, прямо вместе со мной ограбили. Накормил собак, пошел калитку закрывать, у калитки стоит парень, морда – шире ворот и спрашивает:

– У вас пенсионный полис есть?

Отвечаю:

– Наверное?

– Вы выиграли тринадцать тысяч тенге (казахстанские деньги) по полису.

Запускаю в дом, он достаёт двадцать тысяч двумя бумажками. Говорю, что у меня нет сдачи, а сам коробочку открываю, где от пенсии остаток две семьсот лежит и протягиваю ему.

– Эти тысячные уже не в ходу, дедушка, нужно обменивать.

Забирает всё и бежать. Вот так вляпался, а сам всех предупредил не пускать незнакомцев в дом.

– Вот так сынок. Звони чаще, всех целую, всем привет.

Посещения кружка радиодела при доме пионеров не прошли даром. На основе всего одной лампы я смастерил радиопередатчик, вмонтировал его в радиолу, подключил микрофон и в округе моего микрорайона полилась в эфир музыка «Beatles», «Rolling Stones», «Самоцветов» и других популярных групп. В ту пору мама была в суде народным заседателем. Понимая всю ответственность за мои шалости по засорению эфира, а главное милицейской волны, она меня вылечила быстрым и эффективным способом. Заслав домой знакомого милиционера, он меня так напугал, что увидев в глазок двери форму, я вырвал из радиолы свой передатчик и выкинул его с балкона во двор. С этого дня я более не увлекался радиоделом.

Когда мне было одиннадцать лет, отец ушел из семьи. Я прекрасно помню этот летний день, раннее утро, отец в белоснежной рубашке с дипломатом в руке подходит ко мне, целует в щеку, выходит во двор, садится за руль нашей белой ВОЛГИ ГАЗ-21 и скрывается от меня на целых пять лет. Так закончилась для меня пора беззаботности и карманных денег.

А деньги были нужны и нужны были на магнитофон, без которого уважающий себя подросток просто был, как сейчас принято говорить в молодежной среде, «отстоем».

Мама предложила на лето пойти поработать.

Я попробовал сначала сколачивать ящики на овощной базе. Доход был копеечным, тогда я пошел на железобетонный завод, где после окончания техникума работала мастером моя сестра Таня. Я взгромоздил на себя тяжелую брезентовую робу, такие же невероятно тяжелые кирзовые ботинки на клёпках и бетоноварение потянулось чередой бурлацких дней к намеченной цели. Заплатили мне очень хорошо. Магнитофон я купил, но сделал для себя очень важный вывод о том, что надо учиться, чтобы всю жизнь так тяжело не зарабатывать хлеб насущный.

И за учёбу я взялся всерьёз. Десятилетку окончил с тремя четверками, а все остальные оценки были пятёрки. Вот как иногда полезен своевременный тяжелый физический труд!

И всё-таки хочу вернуться к личной жизни в школе, прежде чем покинуть описание её тёплых родных стен.

Уже в восьмом классе девочки мне не давали прохода, я уходил с уроков задним двором, чтобы не попадаться им на глаза, я даже уехал и поступил в мореходное училище в городе Аст-

рахань после восьмого класса, чтобы их не видеть. Но проучившись два месяца и не выдержав напора дедовищины, вернулся в родной городок.

Дочь моего классного руководителя и учителя русского языка и литературы Оплачко Раисы Игнатьевны Валя, ни смотря на все мои ухищрения, добила моего сердца и в придачу к нему всего моего свободного времени.

Она была невероятно интересным собеседником, и целоваться умела до головокружения. Была она старше меня на год и любовь наша, казалось такая вечная и бесконечная, улетучилась вместе с её отлётом в ВУЗ.

Больше я ни с кем из девочек не встречался и большую часть времени проводил с одноклассником Юрой Ким, который, как и я любил рыбачить. По вечерам мы бренчали на гитарах, забравшись на огромную копну соломы на окраине города, или на стройку и болтали, болтали, болтали. Нас окружали девчонки, но они нам были не интересны.

Два, или три раза мама свозила меня на Черное и Азовское моря, где я освоил метод кирпичной ловли бычков. Это когда вечером под пирс, сбрасывают полые туфовые кирпичи, а рано утром, вытащив кирпичи на берег, из них вытряхивают спящих бычков.

Мне кажется, что и вся жизнь в то время была, какой-то плавно текущей, я сам был похож на сонного бычка, но кто ловил меня, мои мысли, моё время, неведомо...

Особо сильным увлечением последнего школьного лета был туризм и ориентирование на местности. Это такой вид спорта, когда ты бежишь с картой по пересеченной местности и находишь нужные точки, где тебе делают отметки о посещении, и ты бежишь дальше к финишу. В одном из таких забегов в предгорье Кавказского хребта в лесу орешника мне пришлось принимать роды у запутавшейся в кустарнике коровы. Это был космос впечатлений, а руки я отмыл потом в горной реке и, на удивление, победил в этом забеге.

Выпускные экзамены, выпускной бал, ночное гуляние и прощай школа №1 города Нарткалы. И ещё радостное событие, отрывок из моего выпускного сочинения напечатали в районной газете. Это сильно порадовало и меня, и маму. В газете, со странным названием «МАЯК», ни как не вяжущимся с предгорной местностью Кавказа, было всего – то несколько строк:

«Хорошо раскрыл тему «Вечно живые» ученик 10 класса Сергей Пустовойтов. В заключение сочинения Серёжа написал:

«...в мае, в сорок пятом, был последний бой у реки. Последним громовым раскатом отговорили артполки. Мне бы хотелось, – пишет он, – что бы этот конец войны был последним во всем мире».

Последний школьный звонок выпускникам 1975 года моей школы прозвенел с моих плеч, колокольчик был в руках первоклассницы Оксаны, дочери учителя музыки и руководителя духового оркестра школы.

Начиналась новая жизненная пора.

У меня есть огромная яхта. Кроме воскресения, я на ней ежедневно в плавании. Большую часть жизни я провожу на ней, и мне это нравится, так как она, прекрасно обустроена. Большая каюта четыре на три метра для отдыха и сна, каюта для приема гостей, отдельный галльон и душевая комната с горячей водой, комната похожая на мансарду для приема пищи, где установлены холодильник и микроволновая печь. На моей яхте невозможно получить морскую болезнь, так как в ней не укачивает. Ей не страшен ни сильный шторм, ни ветер, ни что-нибудь самое опасное, что может угрожать яхтам, так как она стоит на суше. Название у нее тоже необычное, оно взято из первой главы третьего стиха книги Моисеевой «БЫТИЕ»:

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

Мы не боги конечно, но учимся! И однажды я сказал: Да будет фото студия «СВЕТ» и так стало. Со временем я понял, что это хорошо. И вот плыву я в яхте-студии по волнам временного пространства уже более десятка лет. На борту за это время пребывало

много пассажиров, и каждый оставил свой след в моем сердце. Кто махонький, с горчичное зернышко, а кто большой, как вкусный ароматный арбуз.

Я люблю пассажиров, они вносят разнообразие в моё одинокое плавание. И жду я от них больше всего радостного общения, и почти никто не разочаровывает меня. Бывают среди гостей и странные подданные, с ними я так же нахожу точки соприкосновения и понимания.

Яхта в плавании и желать больше нечего капитану, как только попутного ветра, интересных собеседников и семи футов земли под килем, но там пятнадцатки километровый запас известняковой породы, а может и больший...

1975 год

Наконец-то отец позвал меня к себе. Он предложил поступать в институт в городе Алма-Ата, жить с ним и его новой женой Ниной Григорьевной Смородиной.

Прошло много лет, и я понял, какая это была великолепная женщина. Лучшая жена для моего отца и моя заботливая вторая мать.

И вот Казахстан, красивейший город Алма-Ата, дом отца в предгорьях снежных вершин Алатау.

Мне отвели небольшую комнату, поставили хороший письменный стол и кровать. Жизнь побежала, как горный ручеёк, изгибаясь, перекачивая через камушки, издавая небольшой шум и набирая мощь и скорость. Иногда моё любование городом и природой, выливалось в стихотворную форму:

Что за цветы, как из бумажки?

Что за цветы, как из бумажки?
А лишь в пяти шагах ромашки...
Желты, прекрасны словно мир!
И хороводы водят, улыбаясь,
Взгляните, и я честно вам признаюсь,
Ромашки – мой кумир!
Чем пахнет этот желтый танец?
Нет, он не пахнет лишь цветами...
В нём нежность, воля и простор!
Своей непринужденной желтизной,
Они мой завораживают взор!
И каждая ромашка – свой характер,
И каждая ромашка – облик свой...
Смотрите, ведь не все танцуют
Хоровода кашкой,
Тот вдалеке, танцует сам с собой...
А эти двое, в изумрудной сини,
Нашли свой необычный и прекрасный мир,
И весело смеются как кривоногая букашка,
Взбирается на листик как будто на Памир.

Я поступал в институт на художественно-графическое отделение, с наслаждением впитывал воздух аудиторий, пронизанных духом живописного творчества. И затем в нетерпении ожидал зачисления, так как все предметы сдал на отлично. Каким же было моё изумление, когда моей фамилии в списках поступивших не оказалось. Как будто в очередной раз рушилась моя вселенная, мной овладели уныние и растерянность...

Добравшись, домой, я увидел в глазах отца, а потом и в устах, вопрос:

– Как успехи? Поступил?

– Меня нет в списках почему-то, – ответил я.

– Не переживай, я твои документы перевел в энергетический институт. Сдашь два дополнительных предмета: математику и сочинение, и будешь учиться в нормальном вузе.

Я снова сдавал вступительные экзамены, но уже на непонятный факультет тепло-энергетики. После зачисления, а я поступил, отправился с однокурсниками, лаборантами и преподавателями в колхоз на прополку табака. Нас поселили в ангаре, где вечерами проводились грандиозные дискотеки, после которых парочки разбредались кто куда. Кормили нас ужасно и после недельной каторги и жизни впроголодь, группа во главе со мной и ещё четырех студентов первокурсников, перестала выходить на прополку. Мы просыпались раньше всех, шли отмечаться у звеньевых, а когда появлялась вся остальная толпа, технично «линяли» на речку. По дороге забирались на чердак сельсовета и, зайдя в дальний угол черепичной крыши, гнали палками голубей к единственному окошечку, у которого стоял один из нас и плашмя половой доской на лету сбивал десяток голубей. Голубей мы упаковывали в одно ведро, а во второе по пути набирали корнеплодов на колхозном поле. Из всего этого, мы варили вкуснейший суп и до вечера сытые и довольные загорали нагишом на островке бурной речки. Остатки супа приносили в ангар и делились с теми, кто выполнял и отмечал за нас норму прополки. Закончился сентябрь и вместе с ним шалопутная практика. Мы уехали в аудитории грызть науку.

Потихоньку я втянулся в учебу. По рекомендации моей квартирной хозяйки устроился лаборантом на кафедру гражданской обороны. Начальником моим был Боголюбов Николай Иванович, полковник запаса, человек, прошедший войну, который терпеливо отучал меня от таких слов, как «устал» и «больше не могу»...

Меня научили печатать на пишущей машинке, рисовать схемы и плакаты по гражданской обороне, а главное подчиняться старшим и не задавать им лишних вопросов, принимать самостоятельно решения и отвечать за них.

Эту школу жизни я не забуду никогда.

На кафедре работали четыре подполковника, и все они были мне, как отцы. По их доброму наставлению я рано вступил в партию (ещё в институте) и правильно сделал, это помогло в дальнейшей жизни и карьере.

На первой же новогодней дискотеке, на втором курсе Алма-Атинского энергетического института я познакомился с первокурсницей Калдыбаевой Перикой и влюбился в эту пухленькую и энергичную «шоколадку». Вечера теперь были заняты общением с ней. Больше всего времени мы тратили на прогулки в парке «28 Панфиловцев», на кино и поцелуи. Когда наши разговоры затронули тему женитьбы, Перика, ничего не объясняя, показала как живет в нищете её сестра в поселке ТЕЦ-1, которая вышла замуж без родительского благословения. И эту тему мы больше не поднимали. Я мог ночевать у неё дома, утром пить чай за столом вместе с её мамой и наблюдать, как суровый старик – её отец, заместитель министра энергетики Казахстана, не здороваясь ни с кем, собирается на работу. Видеть племянников Перики, снующих по комнатам огромной квартиры и при всём этом ежедневно отдаляться и отдаляться от неё.

В этот же период жизни у меня была удивительная встреча.

Со мной за партой сидел и иногда посещал занятия Аманжолов Бахыт. Его отец был членом ЦК Компартии Казахстана. Жили они в «хрущевке» по проспекту Абая. Частенько мы у него дома слушали музыку. Однажды вечером мы шли к нему домой, а навстречу нам, пожилая парочка. Поздоровались мы за руку с мужчиной, и пошли дальше. Баха тут же и спросил:

– Знаешь, с кем поздоровался?

– Нет, не знаю, – ответил я.

– Это же Динмухамед Ахмедович Кунаев! – торжественно заявил он. Такой короткой была моя первая встреча с главой Казахской ССР. Позже мы снова встретились, но это было уже в погранотряде №2534, куда он приезжал с визитом, еще будучи в должности первого секретаря ЦК КП Казахстана.

Служить интересно

После сдачи всех экзаменов, курсовых и зачетов за второй курс меня потянуло в армию.

Я решил, что будет лучше, срочную службу отслужить со сверстниками. Своё решение я изложил отцу и нарвался на непонимание. Я все равно пошел в военкомат, где меня и слушать на стали, так как военком был другом отца, постоянно приезжал к нам в баню и понятно, что был уже предупрежден о моем новом, не совпадающем с планами родителей, желании.

Когда военком уехал в отпуск, я переправил свои документы из Талгарского в Алма-атинский военкомат и, побрившись наголо, явился домой с повесткой о призыве в пограничные войска.

Отец ушел на улицу, встал посреди огорода и выпускал свой гнев между грядок помидор и огурцов. В проходах в армию мне было отказано и до самого возвращения, я с родителем не общался.

С пограничными войсками мне неописуемо повезло. После учебной роты меня назначили начальником фотолaborатории разведывательного отдела.

За все два года срочной службы не могу припомнить ни одного похожего дня. Два раза в неделю я летал на вертолетах вдоль Китайской границы, ходил в составе конных нарядов, стрелял из всевозможных видов оружия, снимал и проявлял кино и фотоплёнки служебного характера, посещал с офицерами нашего отдела занятия по карате. Встречал агентов и записывал их донесения, ходил учебным нарушителем сам, принимал участие в задержаниях на границе нарушителей, в проведении допросов и следственных экспериментов, фотографировал вскрытие убитых и ещё многое, многое другое....

Во время пограничной операции по захвату перебежчика уходившего в Китай, стрелял в него и только так, мы смогли его задержать. Сам был тяжело травмирован и перенёс операцию на коленный сустав левой ноги.

Звания мне присваивали быстро, так что домой я уезжал в пагонах старшины.

Был горд собой и тем, чему я научился, печален расставанием с полковником Бекпаевым Шортаном Сеитовичем, начальником разведки и капитаном Козловым Николаем, моим непосредственным начальством, и самой интересной на свете службой.

- Служить не страшно,
- Служить полезно,
- Служить – ужасно интересно!

Отец встретил меня после службы радостно, мы помирились, я восстановился в институте и на работе. Однако место моего последнего проживания в частном доме рядом с институтом по улице Космонавтов и пересечения с Ботаническим бульваром было занято. Клавдия Ивановна, моя квартирная хозяйка, очень хотела, чтобы я жил у нее и место было, но там уже обосновались две молоденькие студентки медицинского института. Она попросила прийти, когда они будут дома и в случае, если только они согласятся, я вселюсь.

В назначенное время я был на месте, увидев меня, девушки заулыбались и уединились с бабушкой Клавой, а вечером я вселился. Девушки были из глубинки, обычные, весёлые и простые в общении. Мне для проживания досталась проходная комната. В ней было всегда свежо.

Через неделю Клавдия Ивановна сообщила, что уезжает на полгода к сыну во Владивосток и за старшего оставляет меня. В обязанности мне было вменено собирать деньги за наше проживание и перечислять их на книжку в сбербанке на имя хозяйки. Девочки готовили кушать, мыли полы, стирали и организовывали досуг.

На зимних каникулах Нина уехала домой, а Надя осталась в Алма-Ате, так как у нее появился столичный парень, у которого намечался день рождения. Искренне желая с кем – ни

будь меня познакомить, Надя пригласила меня с собой. Компания была молодежная, весёлая, квартира вместительная, стол ломился яствами, всем было хорошо...

Прошло почти два часа, как в дверь вошла статная женщина, она сразу взглядом выхватила именинника (её сына) с сидящей у него на руках Надеждой:

– Ты, сучка! Что хочешь отхватить моего сына вместе с квартирой?

– Убирайся в свою деревню и там ищи парней себе под стать.

Далее из этой дамы полилось столько гадких высказываний, что Надя, схватила пальто и, едва сдерживая слёзы, выскочила на улицу. Я выбежал за ней. Мы пришли, молча домой, молча, легли в свои кровати. Из комнаты доносились всхлипывания девушки, а потом она тихо позвала:

– Сережа, иди ко мне, мне плохо...

Я забрался к ней под одеяло, она была голой и её фигура манила меня своим величием.

Я пытался что-то произнести, но она закрыла мой рот поцелуем, она стала осыпать им всё мое тело, опускаясь всё ниже и ниже. Мне было не просто приятно, мой мозг отключался самопроизвольно, и в те мгновения, когда я осознавал своё я, во мне звучала одна мысль, не проколоться бы, что я девственник.

Все каникулы до самого приезда Нины, мы спали вместе. Эти отношения нельзя было назвать любовью, мной двигало чувство не изведанного ранее наслаждения. Ею, наверное, женская месть парню, отвергнувшему её искреннее чувство. Ведь он, так и не вернулся к ней и даже не извинился за поведение матери.

Так в двадцать лет я стал мужчиной, о чем Надя так и не узнала. С приездом её подруги и однокурсницы, наши отношения прекратились. Вскоре я перевёлся на вечернее отделение института. Вел кружок по карате для лаборантов и преподавателей. На кафедре ГО часто замещал своих подполковников, читал лекции по гражданской обороне, играл на ударнике в институтском ансамбле, не пропускал ни одной дискотеки, тратил деньги на кино, кафе, музеи и подарки для девчонок.

Был со мной тогда один странный случай. Денег не было, а сильно хотелось есть. Стоял я у проспекта Космонавтов, не далеко от дома. Глотаю слюну и думаю, «сколько еще мне голодать». Вдруг шум такой, и под ноги мои с неба падает комок свернутых денег. Ни машин, ни людей, ни ветерка, раннее утро и просто с неба упало двенадцать рублей. Наелся, помню, я тогда в кафе пельменей с томатным соком и подумал, что Бог есть и, что более важно, слышит меня. В этот день я пошел впервые на служение в Никольский храм и слышал впервые проповедь про Иосифа, которого продали в рабство его родные старшие братья. Но вскоре всё забылось, и я посещал только партсобрания.

В самый канун новогодних выходных 1979 года, я решил навестить на Кавказе маму. Наивно, как оказалось, полагая, что через город Шевченко (ныне Актау) доберусь быстрее и главное дешевле в Нальчик. Приземлившись в городе, названном в честь великого украинского кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко, я понял, как сильно ошибался. Билетов в Нальчик не было, а так же не было и билетов на ближайшую неделю назад – в столицу Казахстана Алма-Ату. Я созвонился с мамой и «поздравил» её с таким печальным раскладом событий, узнал адрес наших бывших по Кавказу соседей Капустиных.

Проехав одну очень короткую остановку на автобусе-гармошке от аэропорта, я оказался у заветной двери на третьем этаже подъездного новенького дома, по адресу: горд Шевченко 12-1-70. Дверь отворилась, и я увидел хорошенькую девушку с половой тряпкой в руке. Глаза её округлились, тряпка сползла на пол. Повзрослевшая бывшая соседка Люда Кабалоева удивленно спросила:

– Ты как здесь оказался?

– Может быть, запустишь сначала? – предложил я.

– Проходи в зал. Домою полы, расскажешь? И родителям надо позвонить, предупредить, что гость у нас незваный.

Люда подросла, но была очень худенькой. В детстве она мне нравилась больше, а теперь проявились кавказские черты лица и эта чрезмерная худоба.

Вечером дома собрались все. Её сводный брат Гриша, отчим – мужчина без права голоса и мать Ирина Григорьевна – женщина творческая, властная, не в меру активная и гордая. Мне отвели место для ночлега – это была кровать Люды в детской комнате, а остальным достались диван и тахта в зале.

В ожидании Новогодних курантов все плотно и вкусно заправлялись едой за праздничным столом и выпивали. Люда, что для меня было удивительно, пила водку с отчимом на равных, а я пил Кагор. Потом, под выстрелы салюта, все выпили шампанского.

Далеко за полночь я пошел спать и быстро уснул. А под утро увидел, что в кровати со мной спит Люда. Я разбудил ее и выяснил, что она по привычке забрела сонная в свою постель. Мы поцеловались, я встал с постели, чтобы одеться и в этот миг вошла Ирина Григорьевна. Прикрыться мне было нечем, она нагло смотрела мне промеж ног.

– Так, что тут было? – Спросила она в игривом тоне.

– Ничего такого, о чем вы подумали, – Ответил я.

– А жаль, мне такой зять, она снова осмотрела меня с пояса до пят, подошел бы!

– Да... внуки были бы красивые.

Через неделю я вернулся в дом отца. Нина Григорьевна – моя вторая мама, как могла меня обхаживала. Отец стал меня возить к знакомым, у которых были дочери на выданье и я понял, что они боятся моего отъезда навсегда, боятся остаться под старость лет одни, но со мной уже происходили перемены...

У меня пропал аппетит, мне сильно хотелось ребёнка, я переживал панический страх, не объяснимую опасность для жизни, а так же того, что после меня не останется никого, никакого наследника.

В то же время, меня невероятно тянуло только к Людмиле.

Мной управляло что-то, или кто-то, какая-то сущность, и эта сущность, перевела меня на заочное отделение института, испортила все отношения с отцом и Ниной Григорьевной, заставила обмануть мать и та, не догадываясь о моих намерениях жениться на Людмиле, обменяла квартиру и переехала в Шевченко.

10 июня 1980 года я стал жителем города Шевченко по адресу: 11-5-61. Ачерез месяц 10 июля, вопреки воле моих родителей, я женился на Людмиле Кабалоевой, дочери заместителя министра сельского хозяйства по ветеринарии Северной Осетии Алексея Кабалоева, который давно уже жил в другой семье в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и Ирины Григорьевны Капустиной, инженера по ТБ СМУ-10 посёлка Умирзак.

На свадьбе не было ни моего отца ни мамы, её отца и других родственников тоже. Грусть и обида витали в воздухе, и только один человек праздновал победу, этим человеком была теща. Её планы осуществлялись.

Она всем руководила. По её совету я устроился в пожарную охрану и жил в ее квартире, так как, мою маму никто не хотел видеть и признавать родственницей, да и она сама не желала этого родства.

13 апреля 1981 года у меня родился сын Иван. Назвал я его в честь своего отца и это событие нас с отцом примирило.

Ощущение свободы

14 апреля 1981 года я проснулся другим человеком. Сущность, управлявшая мной до этой поры, испарилась.

Я ощутил себя свободным, стал поправляться, засматриваться на других женщин, во мне снова кипела жизнь, мне захотелось рисовать, петь и радоваться жизни. Этот настрой проявился и в работе, меня заметили и стали двигать по службе. А ещё через год, Люда родила еще одного сына, которого мы назвали в честь ее отца Алексеем. Мы переехали в свою двухкомнатную квартиру в престижный пятый микрорайон.

ПРЕДДИПЛОМНАЯ ПРАКТИКА

На полгода я оставил семью и снова оказался в Алма-Ате, где началась моя преддипломная практика. Жил я теперь один в однокомнатной квартире принадлежавшей Нине Григорьевне.

Дипломная работа, которую я писал, являлась составной частью диссертации моего дипломного руководителя и была посвящена защите атомных реакторов РБМК, на случай появления аварийных ситуаций. Именно такой реактор ещё работал в то время в Чернобыле.

Эти полгода были очень насыщенными любовными историями и все же, как это было не печально осознавать, но и они завершились. Диплом был, как говорится, в кармане и заплаканные подруги махали вслед уходящему поезду.

Возвращение

Начальник отдела пожарной охраны №42 полковник Кириленко Фёдор Зиновьевич ждал меня с необычным известием. Городской комитет компартии приглашал меня на работу в качестве инструктора идеологического отдела. Попытка отказа не прошла, потому что, когда партия приказывала, коммунист обязан был подчиняться.

В этот же день меня принял в своём кабинете первый секретарь горкома Губанов Виктор Афанасьевич и представил коллективу.

По красной ковровой дорожке второго этажа меня подвели к помещению, над дверью которого, что для меня было удивительно, уже висела табличка с моей фамилией.

Коллектив был замечательный, очень трудолюбивый и образованный, достойнейшие люди того времени такие, как Савченко Нина, Бережная Надежда и многие другие, честно и с азартом руководили всеми структурами города Шевченко.

Необходимо было снова и снова учиться, и меня вместе с такими же инструкторами Батыровым Талапом и Бортник Михаилом направили на учёбу в высшую партийную школу Казахской ССР, которая находилась в Алма-Ате, на самом верху проспекта Ленина. Экзамены мы сдали успешно, и на первом собеседовании нам пожелал успешной учёбы и пожал руки первый секретарь компартии Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев.

Следующая встреча, уже с президентом Назарбаевым Н. А. у меня была намного позже, когда я был приглашен акимом Мангистауской области Кииновым Л. К. в качестве фотографа на известную встречу «Пятерки без галстуков», проходившую в Актау 6 июля 2002 года.

И если кто-то, поздоровавшись с высокопоставленными чиновниками, мог неделю не мыть руки, то я из таких встреч, выносил для себя главное: власть – великое разочарование для человека достигшего её. И чем больше человеческих судеб тебе вверено, тем меньше у тебя личной свободы. Стремясь к власти и достигая ее, человек становится заложником этой власти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.